

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Бальт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2545955

Аннотация

«Год, может быть, два назад произошло на севере Америки, в Аляске, событие не совсем обыкновенное...»

Александр Иванович Куприн Бальт

Год, может быть, два назад произошло на севере Америки, в Аляске, событие не совсем обыкновенное.

В небольшом поселке Номе, глубокою зимою, открылась вдруг эпидемия дифтерита, до той поры никогда Ном не посещавшая. Количество заболеваний увеличивалось с грозной быстротой. Начались и смертные случаи.

Единственный врач поселка был почти беспомощен перед лицом жестокой гибели, грозившей всему населению. Во всем Номе не нашлось ни одной ампулы с антидифтеритной сывороткой. Достать ее можно было – и то не наверняка – лишь в ближайшем городе, который лежал от поселка в трехстах верстах и не был с ним соединен ни железной дорогой, ни телеграфом, ни шоссе.

И вот один из жителей добровольно вызвался послужить обществу. Не знаю, кто он был – охотник или золотоискатель. Мне теперь очень досадно, что я своевременно не удостоился записать его имя. Он сказал:

– У меня есть хорошая, испытанная собачья упряжка. Я съезжу на ней в город, возьму там, сколько надо, вакцины и вернусь назад. Сделаю все это так скоро, как угодно будет

богу.

Поехал и сделал. Нужно ли рассказывать о трудностях его путешествия среди безграничного снежного моря, в «белом молчании», без малейшего намека на дорогу или тропу, когда руководиться приходится лишь компасом и соединенными инстинктами человека и животных? Прочитайте об этом в прекрасных рассказах Джека Лондона. (Впрочем, нельзя не признать, что в случае, о котором идет речь, сама жизнь взяла и сочинила именно тот самый рассказ, которого, однако, не доставало у Лондона.)

На обратном пути, уже в последней трети дороги, упряжку захватила метель.

Собаки выбивались из сил постепенно падали, поднимать их бывало невозможно ни лаской, ни уговорами, ни кнутом. Приходилось обрезать одну за другою постромки. Наконец, остались на ногах лишь человек и передовая собака, по имени Бальт. Теперь тащить за собою сани было и обременительно, и бесполезно, и их пришлось бросить.

Тогда хозяин прочно укрепил пакеты с драгоценным серумом на спине Бальта, накормил его в последний раз и, указав собаке направление, велел идти домой.

– А я пойду следом, – сказал хозяин.

Конечно, Бальт был в любой момент готов с восторгом положить свою верную собачью душу за малейший из интересов хозяина. Но в эту минуту он понял – о, несомненно, понял, – что хозяину скорая доставка груза гораздо до-

роже собственной жизни, и вот послушно побежал вперед и скрылся в бушующем снегу, в наступающем мраке ночи.

Чутье, инстинкт и силы не изменили Бальту. Он прибежал в Ном настолько быстро, насколько это было угодно богу, и своим знакомым лаем поставил сразу на ноги всех жителей, не привязанных болезнью к постели. И в то время, когда доктор обходил с чудотворной сывороткой один за другим дома, где находились больные, – навстречу хозяину Бальта уже мчалась спасательная экспедиция на свежих упряжках, с запасными собаками и с провиантом. Его нашли в тридцати верстах от поселка, еле живого, ползущего в снежных сугробах... Он задал только два вопроса:

– Сыворотка? Бальт?

Ему ответили:

– Все хорошо...

Он улыбнулся и потерял сознание.

Ну, чем это не рождественский рассказ, чтимые читатели и милые читательницы? Да еще рассказ, поднесенный самой жизнью?

Надо к нему еще прибавить то, что и человек, и пес до сих пор живы, здоровы и неразлучны. На днях в Номе произошло торжественное открытие бронзовой статуи Бальта, воздвигнутой благодарным населением. Попервоначально хотели было увековечить и смелого хозяина, но он круто отказался.

– Глупости!.. Вся заслуга принадлежит Бальту, а я только прогулялся... Сейчас передо мною газетная вырезка, на

которой сняты бронзовый могучий Бальт, напряженно влегший в постромки, а рядом с ним живой Бальт и его хозяин, пришедшие полюбоваться памятником. Человек спокойно смотрит на чудесное изображение своего друга, но Бальт отвернулся.

– Какая же это собака, если от нее ничем не пахнет?

О, скромность сильных!

А вот я знаю еще и такую историю. В одном городе поставили одновременно два памятника двум местным уроженцам, людям мировой известности; и поставили еще при их жизни. Так вот оба великих мужа приходили каждое утро с разных сторон на площадь, где стояли их статуи, и некоторое время безмолвно их созерцали: каждый самого себя. Потом, точно по сигналу, окидывали друг друга гневно-презрительными взглядами, поворачивались друг к другу спинами и медленно покидали площадь. Мне Бальт милее.